

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава III

Abbaye des Gardiens ~ Провинция Овернь ~ Центральная Франция

Аббатство Гардиенс представляло собой обнесенный стеной монастырь, расположенный на высоком каменистом холме, возвышающемся над окрестностями.

Дикие земли центральной Франции. Под аббатством из недр холма извивался сложный лабиринт катакомб. Брат Иван Гогу, старший из братьев-нищенствующих монахов Гардьена, принял на себя ответственность за катакомбы с момента своего прибытия в аббатство более десяти лет назад; и за это время огромная гробница стала своего рода каменным покаянием, тяжело давившим на его сердце. Его грубая ряса шелестела в извилистых проходах, когда он спешил, всегда держась прямо и неуклонно спускаясь вниз. Большинство монахов редко отваживались спускаться на такую глубину — немногочисленные сухие факелы, вбитые в каменные стены, свидетельствовали об отсутствии какого-либо использования катакомб ранее. Смоляной проход не имел разветвлений, и эта полая артерия уходила в землю, словно черная кирпичная дорога в ад.

Щелчки подошв сандалий Ивана прекратились, эхо от них больше не разносилось по грубым, высеченным из камня стенам. По мере его дальнейшего спуска воздух становился густым, холодным и затхлым — едкий запах ржавчины и мокрой породы тяжело витал в воздухе.

Спускающийся вниз проход. Плотные каменные стены все больше сходились друг с другом по мере того, как тропа становилась круче и уже. Его фонарик освещал все большую часть теперь уже мокрого пола прохода, покрытого конденсатом. Держа фонарик в одной руке и ощупывая пальцами противоположную стену, Иван замедлил движение, делая осторожные и размеренные шаги, чтобы не поскользнуться на блестящей гранитной тропе.

Единственной целью этого глубоководного туннеля было подключение к подземному источнику пресной воды и обеспечение катакомб аббатства чистым и обильным запасом воды на протяжении всего его существования. Самые сложные сезоны виноделия. С этой целью, глубоко под залитым солнцем склоном холма, туннель выходил в открытую, пещерообразную впадину из неровных камней и гладких поверхностей, истертых веками естественной эрозии. Наконец, свет факела не находил ничего, что могло бы осветить путь. Монахи Гардиенса назвали это темное и отдаленное место Колодезной ямой. Глубокая выложенная камнями траншея разделяла впадину, по которой тек быстрый, но бесшумный подземный источник.

Из темноты колодца по туннелю разнесся тихий всхлип. Голос был детским, и все же этот пронзительный крик оплакивал боль целой жизни, полной страданий. Ещё один всхлип вырвался наружу, но тут же затих, словно горе и гордость непрестанно боролись в истерзанной и жалкой груди. После сдавленных всхлипов последовали прерывистые вздохи, затем тишина — и ещё один всплеск горя. Цикл повторялся, эхом отдаваясь в темноте. Это были скорбь побежденного короля и плач скорбящей вдовы, сплетенные воедино.

«Лазарь?»

Плач прекратился.

«Лазарь? Ты здесь?»

«Я ... я здесь, монах. Я наполняю ведро».

В кромешной тьме, войдя в лощину, монах скрылся в свете потрескивающего факела, который держал в руках. Он был высоким, с широкой спиной и глубокой грудью, и в его глазах читалась печаль. Его глубокие синие глаза скрывали жизнерадостную улыбку на губах. Аккуратно подстриженная седая шевелюра, венчавшая его голову, словно упавший нимб ангела, дополняла его чистую и густую седую бороду. Из источника поднялся суровый сутулый мальчик, у его ног стояло полное ведро воды. На нем была похожая ряса из грубой ткани, как и на монахе, но с глубоким капюшоном, натянутым на голову. Лицо ребенка закрывала маска — капюшон из той же ткани. На месте глаз были два круглых отверстия, а рот закрывал небольшой кусочек ткани. Грязное покрывало напоминало маску прокаженного с накинутым на нее монашеским капюшоном. Мальчик был учеником, но его покои находились не на поверхности, а в другом абб

Вместо этого Лазарь жил под территорией аббатства, в катакомбах, в причудливой комнате, которую ему выделил монах Иван, с грубо сделанной кроватью и толстыми одеялами. Хотя ему было тринадцать лет, его хрупкое телосложение и тонкие конечности делали его намного моложе. Никому из обитателей аббатства, кроме него самого и монахов Ивана и Одино, не было известно, что Лазарь был Гогу — внебрачным ребенком Ивана Гогу.

«Что тебя беспокоит, сынок?»

«Ничего, сэр. Вода у меня».

«Ты плачешь, Лазарь?» Мальчик прижал пальцы к лицу, и ткань под глазами потемнела от влаги.

«Капюшон сползает, и я ничего не вижу. Я поворачиваю голову, и он сползает. Я открываю рот, и он сползает. Я сплю, и он сползает. Он задевает мои уши, и шнурки цепляются за мои волосы».

«Тогда нам нужно сшить тебе новый капюшон. Я удвою усилия, чтобы сделать его удобным. Хочешь новый капюшон?»

«От этого капюшона исходит неприятный запах. Его больше не удастся отстирать. Я знаю, как сделать следующий капюшон лучше, монах. Могу вам показать».

«Тогда ты это сделаешь. Ты можешь помочь мне сделать следующий». Иван наклонился и свободной рукой обнял Лазаря.

«У меня для тебя сюрприз, сынок».

"Что это такое?"

«В скриптории я обнаружил рукопись с изображениями животных».

«С птицами?»

«Да, работа наполнена изображениями птиц — и даже красочными рисунками, изображающими их».

«Могу ли я увидеть это сегодня вечером, монах?»

«Да, я принесу её вам. Она новая — из Парижа! Но я должен вернуть её рано утром, на рассвете, чтобы остальные не обнаружили её пропажу. Вы можете взять книгу сегодня вечером, но сначала нам нужно убраться».

Лазарь коротко промолчал, и хотя его лицо было скрыто, его охватила задумчивость — его лицо, покрытое саваном, обратило свой взгляд, словно окутанный мешковиной, на монаха. Свет факела выделил завораживающе красивые голубые глаза, выглядывающие из грязных мешковинных глазниц.

«Брат, могу я задать вам вопрос?»

«Молитесь».

«Я стану некрасивой, когда вырасту?»

Иван внимательно слушал, положив руку на плечо мальчика. «Слушай меня, сынок».

Ты не уродлива. Ты прекрасна. Ты носишь капюшон не для того, чтобы скрыть свою уродливость. Ты

Вы носите капюшон, чтобы скрыть свою красоту от уродства. Уродство боится красоты как зла.

«Бойтся чистого сердца». Монах резко встал и, велел ребёнку остаться, вышел из лощины с факелом в руке. Темнота окутала маленькую, сгорбленную фигурку. Через мгновение тишину нарушили осторожные шаги. В чёрном пространстве Иван нашёл мальчика и присел перед ним на корточки.

«Поставь ведро, сынок».

Иван пощупал пол под собой, нашел камешек и сжал его в кулаке. То же самое он сделал и другой рукой, затем протянул обе сжатые ладони мальчику.

Иван поднял левую руку. «Что у меня в руке, Лазарь?»

«Камень».

Иван поднял правую руку. «А в этой руке?»

Лазарь ответил: «Ничего».

«Ты можешь быть уверен, Лазарь?»

«Я слышал, ты поднял камень. А потом услышал, что ты этого не сделал».

«Поймай камень», — внезапно сказал Иван, подбрасывая его в воздух. В темноте он прислушивался к тому, как камешек ударится о пол. Он не ударился.

«Скажи, пожалуйста, что ты держишь в руках, сынок?»

«Камень».

«И почему же оно может быть в твоей руке, Лазарь?»

«Ты приказал мне поймать его».

«Ты поймал не просто камень».

«Почему это больше?»

«Это исповедник истины. А теперь брось мне камень». Иван почувствовал маленькую руку в своей и отдернул ее. «Нет, сынок. Брось мне камень, как я бросил его тебе». Лазарь послушно бросил камень. Раздался звон, когда камешек ударился об пол.

«Простите меня, монах. Мне нужно снова его выбросить».

«Нет. Замолчи, сынок, послушай. Почему я не поймал камень?»

«Без света ничего не видно».

«В самом деле. Так какую же правду нам открыл камень?»

«Оно не умеет говорить, монах». В голосе ребенка слышалась нотка веселья .

«Однако оно уже говорило! Когда ты поймал камень, чего не смог сделать я, камень признался всему миру, что ты действительно прекрасен. Понимаешь ли ты, что я имею в виду, сынок?»

«Да», — медленно произнес мальчик.

"Ты?"

«Да, монах. Но как долго это продлится?»

Иван поднялся на ноги и прижал ребенка к себе. «Скоро. Мы скоро уезжаем».

«Как скоро?»

«До конца года мы будем жить в Бургундии, и ты больше никогда не наденешь этот капюшон. Однако сейчас мы сошьём тебе самый лучший из всех. Он будет последним».

«Можно ли Мигалю и Татеусу тоже получить новые капюшоны? У них тоже сползают. Они мне так сказали».

И Мигуаль, и Татей были сильно деформированными оруженосцами, и, в отличие от Лазаря, они оказались брошенными на ступенях аббатства, чтобы быть принятыми и воспитанными монахами-гардиенами. Однако, как и Лазарь, они тоже носили капюшоны, похожие на капюшоны прокаженных, с прорезями для глаз, чтобы скрыть неприглядные уродства. Таким образом, всех троих мальчиков объединяло одно сходство во внешности — вместе, полностью одетые в плащи, они могли бы напоминать трио маленьких призраков из мешковины. Иван часто вызывал Мигуаля и Татея в катакомбы, чтобы они работали вместе с Лазарем, и, поскольку Лазарь всегда был заперт в катакомбах, это приносило Ивану столько же, если не больше радости, чем Лазарю. Для этих трех мальчиков великан, монах Иван, был создателем их масок — спасителем и хранителем лица. А для Ивана, когда эти похожие на привидений дети собирались вместе, и Лазарь раздражался смехом — довольно редким смехом в катакомбах, — это неожиданное и запоминающееся веселье неизменно успокаивало его встревоженную душу.

«Мы сошьём им и новые капюшоны. Сынок, ты можешь сам им их пришить. Хочешь?»

"Я бы."

«Хорошо, тогда так и будет».

«Они могут пойти с нами?»

Иван глубоко вздохнул, прежде чем заговорить. «Они должны оставаться здесь, Лазарь. Аббатство — их дом. Аббатство им подходит».

«Может ли брат Одно прийти?»

Иван запрокинул голову и рассмеялся. «Лазарь, правда! Если мы уйдем без брата Одно, он может погнаться за нами и избить нас козлом». Теперь ребенок тоже рассмеялся. «Ты хочешь, чтобы он избил нас козлом? Нет, сынок; конечно, брат Одно пойдет с нами».

«В Бургундию?»

«Далеко-далеко отсюда, Лазарь. А теперь подай мне ведро. У нас много дел».

«Я понесу ведро, монах».

«Нет. Дай мне ведро, Лазарь. Можешь отнести следующее».

Иван достал факел и теперь протянул его мальчику. «Ты покажи дорогу».

«Ведро тяжелое, монах. Я должен его нести».

«Возьми факел. Веди. У меня ведро. Укажи путь, сынок».

Скрепя сердце, мальчик взял факел и осветил дорогу, чувствуя себя неловко из-за того, что Иван шел пешком.

позади него.

Прошло почти час, пока Лазарь отмывал витиеватые настенные резные украшения в главном коридоре, почерневшие от многолетних испарений факельного масла и сажи. За это время переполненное ведро с чистой водой превратилось в полведра потемневшей жижи, густой, как индийские чернила. Пришлось снова сходить к Колодцу. Лазарь поднял ведро и направился по коридору, но остановился, увидев, как черная крыса мчится вдоль основания стены рядом с ним. Брат Клодий толкнул мальчика сзади, опрокинув ведро и забрызгав грязной жижой переднюю часть его рясы. «Убирайся с дороги!» — прорычал он. Он прошел мимо Лазаря, преследуя крысу длинной деревянной палкой.

«Простите меня, монах», — пробормотал Лазарь, продолжая идти по коридору и глядя на беспорядок на своей рясе. Он догнал Клодия, который загнал крысу в угол между стеной и колонной. «Теперь ты у меня», — сказал Клодий окаменевшей крысе. Лазарь остановился позади монаха, чтобы взглянуть на крысу. Он не подозревал, что Лазарь стоит позади него. Клодий медленно поднял посох, намереваясь загнать крысу в угол и убить её.

Внезапно Лазарь уронил ведро с водой, опрокинув его и разбрызгав жидкость на пол, отчего из щели вылетела приговоренная к смерти крыса. Грязная вода брызнула на ноги монаха Клодия и попала ему на рясу. Испугавшись, он вскрикнул и обернулся, когда крыса, теперь уже промокшая насквозь, убежала за угол в безопасное место.

«Ты! Ты сделал это намеренно!» — отчитал он Лазаря.

«Простите меня, братец», — ответил Лазарь. Он поставил ведро вертикально, опустился на колени и поспешно вытер воду вокруг сандалий монаха. Клодий поднял на него палку — Лазарь приготовился к удару.

«Клодий!» — брат Иван ворвался в коридор. Клодий поспешно опустил посох и обратился к нему: «Он вылил на меня ведро грязной воды!»

«Что?» — Иван остановился перед ними. Он осмотрел беспорядок на руках Лазаря и Клодия. одеяния.

«Я загнал крысу в угол, и она облила меня грязной водой, чтобы защитить себя! Я требую немедленных извинений и наказания!»

«Лазарь, — спросил его Иван, — это правда?»

«Я уронил ведро, монах».

«Намеренно?»

«Да, братец», — сказал Лазарь, опустив голову.

«Вот! Видите! Я это прекрасно понял!» — крикнул Клодий.

«Лазарь? Зачем?» — спросил его Иван.

«Не убий, братец», — тихо произнес Лазарь. Клодий фыркнул и закатил глаза от отвращения.

Иван продолжил: «Однако эта заповедь относится к людям, а не к крысам, не так ли?»

Лазарь переступил с ноги на ногу и, после паузы, ответил: «Я знаю, монах, но...»

Иван перебил его: «Тогда, как я понимаю, вы должны извиниться перед добрым монахом».

«Простите меня, брат Клодий. Я хочу, чтобы меня сейчас поправили». Лазарь смиренно склонился.

Когда Иван встал между ними и обратился к Лазарю, Клодий снова поднял свою палку.

«Твое покаяние будет заключаться в следующем: принести ведро свежей воды и очистить стены с выгравированными надписями».

А теперь проходите мимо.

«Воистину, братец», — Лазарь поспешно поклонился и поспешно удалился с ведром.

У Клодия от удивления отвисла челюсть. «Ты же поручил ему мыть стены!»

Иван, который был на целую голову выше Клодия, подошел к нему вплотную и прорычал: «Что за дела?»

« Ты что, претендуешь на место в моих катакомбах, кроме как для охоты на крыс? Послушай меня внимательно

— ты присматриваешь за территорией аббатства, а я — за тем, что находится под ней. Ты будешь поправлять своих оруженосцев, а я буду поправлять своих! А теперь немедленно уходи, Клодий!»

Отчитанный монах отступил, стремительно промчавшись по коридору, крича и бормоча что-то эхом в спешке удаляясь. «Я позабочусь о том, чтобы мальчика исправили, Иван! А теперь я отнесу это аббату!»

«Пожалуйста, сделайте это! И расскажите ему, что вы гоняете крыс в моих катакомбах, вместо того чтобы ухаживать за...»

«Твои собственные», — крикнул в ответ Иван. Клодий отказался отвечать и исчез в темноте.

Иван отвернулся от него и лишь тогда позволил себе улыбку — медленную и робкую, как у человека, выигравшего пари, которого он никогда и не заключал. Он расправил плечи и сложил руки за спиной, словно приговоренный, но гордый узник, направляющийся в ад, — и спустился все глубже в катакомбы, когда тьма поглотила его.

Клодий был человеком озлобленным. Даже аббат не питал к нему особой терпимости. К счастью для Ивана, аббат Вониг относился к нему как к сыну, которого у него никогда не было. В глазах аббата Иван не мог совершить ничего плохого. И все монахи аббатства собрались вместе совершенно естественно: Подружиться с Иваном означало подружиться с аббатом — и, следовательно, получить легкий доступ к винному погребу катакомб. И наоборот, вернейший способ разгневать Ивана — это плохо обращаться с Лазарем, Мигалом или Татеем — этими хрупкими оруженосцами, обреченными на гибель из-за уродства.

~*~

Лазарь давно закончил свои дела. Иван вырвал его из иллюстрированной рукописи с яркими изображениями птиц, проводил до постели, погасил несколько горящих факелов катакомб и удалился в свои покои в братской келье на вечер. Почти все монахи Гардиена давно уже отправились спать, за исключением нескольких человек в темных, призрачных одеждах, которые бродили по залитой лунным светом территории, выполняя свои поздние работы.

Брат Делон Одино вышел из монашеской палаты через небольшую боковую дверь и прокрался через окутанный туманом двор, чтобы совершить свою ночную оргию. Он зажег факел только после того, как вошел в лестничный пролет катакомб. После нескольких бокалов к нему в винном погребе присоединился сонный Лазарь. Для обоих это было вполне обычным делом. Им нравилось это напряжение, острые ощущения от запретного — Лазарь знал, что ему нельзя покидать свою комнату после ухода Ивана, а Одино, чья слабость к винограду не была самым сокровенным секретом аббатства, был предупрежден держаться подальше от катакомб после наступления темноты.

В этот момент Одино сидел на верстаке, прислонившись к стене подвала и раскинув ноги перед собой. Комната вокруг него была заполнена бочками с выдержанным вином и кегами с осадком. Воздух был пропитан липким и резким запахом забродивших фруктов.

«Ах, Лазарь, мой мальчик. Я предположил, что ты спишь. Входи! Говори!» Одино ухмыльнулся, размахивая полупустым кубком. Помимо Ивана, Одино был единственным монахом аббатства, который по-настоящему знал мальчика. Во многом этот толстый, румянощёкий монах был для Лазаря словно дядя — дядя и друг.

«Ты разве не догадался, что я приду?» — спросил Одино, слова небрежно слетали с его взбитых вином губ.

«Что?» — сонно спросил Лазарь.

«Вместе с тобой и Иваном — вон из аббатства».

"Я не знал."

«А если вы уйдете без меня, я погонюсь за вами обоими и изобью вас козлом». Они дружно усмехнулись. «Как ни странно, я буду скучать по этому аббатству».

«А вино?» — спросил Лазарь. Одино неодобрительно посмотрел на него.

Лазарь расхаживал по комнате, трогая всё подряд и, словно в детской игре, снова слоняясь без цели.

Наконец Одино снова заговорил: «Я заметил, что в последние дни в тебе горит огонь — твоя кровь кипит. Ты хочешь освободиться из этих катакомб, не так ли?»

«Я хочу увидеть мир за пределами книг. И птиц — живых — в полете. Не таких, как в книгах».

"Мертвого ты мне принес."

Одино разразился громким смехом. «У тебя ещё есть эта штука?»

«Я расправил ему крылья — оно разлетелось на куски. Я завернул его и положил в одну из крипт. Так поступил монах».

Иван, скажи, пожалуйста, когда мы отправимся в Бургундию?

«Скоро, мальчик. Довольно скоро.»

После короткой паузы Лазарь спросил: «Брат, могу я задать вам вопрос?»

"Действительно."

«Вас ничуть не беспокоит перспектива покинуть аббатство?» Лазарь всматривался в его лицо, ища не только слова.

«Привычка наскучила. Я больше не могу справляться с ритмом дня».

«Что же нам тогда делать без аббатства?»

«Ну, во-первых, нам не придётся жить по распоряжению времени. Разве это вас не радует?»

«Полагаю... я не знаю». Лазарус опустил голову, скрытую под капюшоном.

«Конечно, ты не знаешь. Это всё, что тебе знакомо — эти стены катакомб и однообразная рутина. Но ты скоро поймешь. Тебе здесь не место — твой отец это хорошо знает. Он видит то, что я вижу уже некоторое время — птицу, порхающую в клетке».

«Какая птица?» — Лазарь оглядел подвал. «Где?»

«Ты — птица, а аббатство — клетка», — пояснил Одино.

Лазарь прислонился к столу рядом с Одино. «Вино на вкус такое же, как и пахнет, монах?»

«Ещё лучше». Монах улыбнулся, эффектно поднял тост за мальчика и, сделав глубокий глоток, отпил из грубой деревянной чашки.

«Пахнет ужасно. Наверняка и на вкус тоже».

«После нескольких чашек вкус уже не имеет значения». Одино вытер рукавом улыбку и протянул пустую чашу мальчику. «Помоги толстому и усталому дураку, мой мальчик».

Лазарь взял чашу.

«Почему ты пьешь вино больше, чем другие монахи, братец?» — спросил Лазарь, подходя к винной бочке.

«Первое послание к Тимофею, глава 23 из пяти?» — поспешно спросил Одино.

Мальчик не колебался. «Больше не пей воду, а употребляй немного вина, из-за своего желудка и частых недугов».

«Ещё раз — на этот раз на латыни!»

Лазарь послушно ответил: «Noli adhuc aquam bibere sed vino modico utere propter gastum tuum, et Frequencyes tuas infirmitates».

Одино рассмеялся, резко остановился и щелкнул пальцами. «Только не эта бочка! Вот эта...»

«Мальчик», — сказал Одино, указывая на другую бочку. Лазарус подошел к ближайшей бочке и осторожно наполнил ее. «Я так понял, все одно и то же? Да это бочка, монах?»

После того как Лазарь вернулся и передал кубок Одино, монах спросил его: «Лука, 39 из 5?»

И снова мальчик не колебался. «И никто, выпив старого, не желает сразу нового, ибо говорит: старое лучше».

Одино так от души рассмеялся, что разбрызгал вино по всему подвалу. Как растерянная собака, Лазарь наклонил голову набок и застыл как статуя, пока Одино приходил в себя.

Тогда Лазарь спросил: «Что это? Я говорю на правильном языке».

«В самом деле, ты прав — как всегда, Лазарь. Но теперь я раскрыл его секрет », — пробормотал монах, всё ещё дрожа от сдержанной веселости. «Как я вижу, у тебя есть небольшая Под вашей маской — целый кладезь крошечных книжек. И вы переворачиваете их страницы носом.

«У меня нет маленьких книжек, монах», — просто ответил Лазарь.

Одино рассмеялся, услышав его искренний ответ. «Но как же ты это делаешь, мальчик, — декламируешь каждое слово?»

«Я умею читать».

«Однако слова не остаются в памяти других так, как в твоей. Как можно прочесть что-то всего один раз и запомнить это навсегда? Никто в этом аббатстве не способен на это — за все мои дни я не знаю никого, кроме тебя. Расскажи мне, в чем его волшебство».

«Я лишь помню это, монах».

«Конечно, знаешь, мальчик», — вздохнул Одино. «И только Господь знает глубину такого...»

«Необыкновенное благословение, подобное твоему». Он снова поднял тост за Лазаря, прежде чем дотопить остатки вина из своей чаши. Затем он протянул Лазарю кубок, чтобы тот наполнил его снова, но застал его врасплох. повернувшись спиной к входу в подвал.

Лазарь повернулся к Одино. «Брат, кто-то приближается! Наверное, трое, как я понимаю». Одино спрыгнул с верстака, словно его сиденье горело. Он поспешно побрел к задней стене, тщательно вытерев рот от остатков вина и спрятав кубок за бочкой. Лазарь подошел к другой стене, вынул факел из держателя, окунул его в масляный котел и погасил все в подвале — комната погрузилась во тьму .

В темноте Одино, размахивая руками, искал Лазаря там, где видел его в последний раз . «Иди сюда, мальчик. Веди меня», — прошептал Одино.

«Куда вы меня ведете, монах?»

«Тише, следи за языком. Выведи меня отсюда. Я ничего не вижу», — прошипел Одино.

нетерпеливо, нащупывая воздух в поисках Лазаря.

«Куда ты хочешь пойти?» — спросил Лазарь, нежно взяв Одино за руку.

«Сияние ангелов! Куда угодно, парень! Вытащи меня отсюда!»

«Тогда в склеп?»

«Да, склеп! Немедленно!» — прошипел Одино.

Лазарь вывел Одино из винного погреба и провел его по темному коридору. «Сюда, братец», — прошептал он, направляя руку Одино к толстой железной ручке. Монах распахнул тяжелую дверь, указывая в темноту на то место, где в последний раз слышал голос мальчика. «Внутрь! Спешите!»

«Я здесь, монах». Голос раздался теперь позади него, внутри гробницы.

«Лазарь, — прошептал Одино, закрывая дверь, — как ты можешь так много знать и так мало собирать?»

«Я не понимаю, что вы имеете в виду, монах».

«Конечно, нет. Вы можете читать страницы в своем воображении, но не понимаете моего смысла?»

«Я не знал, куда вы хотели отправиться, монах».

«Ах! Тогда ты меня собираешь».

«Ты не сказал мне, где ты...»

Двери катакомб открылись, и Одино прервал его: «Тише, мальчик, они идут».

Три монаха прошли немного по туннелю, чтобы взять факелы и ведро масла. Так же поспешно они снова ушли. Услышав, как закрылась дверь катакомбы, Лазарь и Одино выскользнули из склепа. Лазарь вернулся в свою комнату, а Одино, всё ещё пьяный, вышел из катакомб вдоль стен и вернулся в свою спальню.

В другом месте, в причудливой келье на втором этаже монашеской спальни, Иван крепко спал. Через узкое открытое окно разбухшая луна освещала скудное содержимое комнаты: кровать с деревянным крестом на стене над ней, письменный стол, заставленный книгами, и небольшой ящик с вещами Ивана. Воцарилась полная тишина.

Взмах крыльев нарушил темную тишину, и на подоконнике засиял светящийся ворон, его холодный взгляд застыл на Иване. В комнате стало так холодно, что от дыхания Ивана поднимался туман. Тотчас же ворон влетел в комнату и превратился в обнаженную женщину, которая босиком прошла по полу.

Люцифаэль откинула свои длинные волосы и остановилась у изножья кровати Ивана. Проницательным взглядом и кокетливой улыбкой она пристально посмотрела на него. «Судьба снова сводит нас вместе», — прошептала она. Она провела по нему черным ногтем: «Продолжай спать, моя любовь».

Иван поморщился, погруженный в чувственный сон. «И на этот раз наше семя исправит историю — развратив тебя».

«То же самое», — она откинула его одеяло, расстегнула одежду и ласкала его. «И я не буду лежать ниже тебя», — простонал он. Увидев его в таком положении, она села на несчастного коня и поскакала на нём; и пар от дыхания Ивана разносился, словно фыркание скачущего зверя, его глаза дико закатывались под веками, застывшими в грехе. И в этот короткий промежуток дьявольской похоти, подобно тому как сотни монахов страдали с тех пор, ещё один монах из Гардиена пал с высоты своего положения.

~*~

Первый рассвет, как всегда, наступил — слишком рано для нескольких старших монахов аббатства, а для брата Одино, после вечернего паломничества в винный погреб, — ещё раньше. Задолго до того, как проснулась большая часть спального помещения, старшие монахи приступили к своим обычным делам — уходу за конями, приготовлению утренней трапезы и различным другим обязанностям, которые требовали от них быть первыми, кто вставал утром. Один из старших монахов, Иван, своим предрассветным призывом вдохнул новую жизнь в катакомбы аббатства. К нему присоединился его постоянный оруженосец, Лазарь, который доказал свою состоятельность, изготавливая и заменяя, зажигая и гася многочисленные катакомбные факелы. Благодаря им туннели оставались в первозданном состоянии, несмотря на большой поток монахов и оруженосцев, который наблюдался каждый день.

Встревоженный, но не знавший о предыдущем визите Духа Ворона, Иван смиренно принялся за свою повседневную рутину. Из-под кровати он достал деревянную миску, накрытую тканью — нетронутую еду с предыдущего вечера. С пылающим факелом и миской он покинул общежитие, пересек темную территорию аббатства и вошел в длинное здание, в котором находился вход в катакомбы. Он прошел по коридору, свернул за угол, распахнул деревянную дверь и спустился по каменной лестнице, высоко подняв факел. Его шаг был длинным и размеренным, когда он вошел в катакомбы, его грубая одежда мерцала в свете факела, как домотканая занавеска, танцующая на ветру в открытом окне.

По мере того как монах продвигался все глубже в древние извилистые туннели, вдоль одной из стен между рифлеными каменными колоннами показались арочные ниши. Стены ниш были украшены искусно вырезанными гротескными фигурами. Эти странные полотна стояли, почерневшие от времени. С веками клубами факелов, изображающими ужасающие сочетания людей и зверей. Там были рыцари с головами птиц или собак; демоны и хищные звери с человеческими лицами; существа с ужасающими чертами и покрытыми мехом человекоподобными конечностями. Во всех этих мирах... Сотни фигур, но неизменным оставалось одно — каждая имела пару костлявых крыльев, как у летучих мышей. Эти жуткие настенные скульптуры представляли собой скопление извращений, которые могли оценить лишь проклятые и безумные.

Ещё дальше, резные изображения сменились гладкими стенами, в которые были вмонтированы

Ряд деревянных дверей: это были входы в склепы, где хранились мумифицированные останки привилегированных папских сановников — бывших аббатов, монахов Нижнего собора, даже нескольких епископов и других представителей знати. Монах свернул направо на одной развилке, а на другой — налево. Теперь катакомбы открывались в лабиринт туннелей, извивающихся во всех направлениях. Иван прокладывал знакомый путь сквозь лабиринт каменных блоков и высеченной подземной скалы, хотя его глубокие синие глаза были далеки, утоплены в темном и беспокойном море.

Спустя некоторое время он остановился у узкого прохода. Закрепив факел в нише в стене, он наклонился в темноту и сказал: «Лазарь, я принес еще еды. Сначала ты поешь, потом мы зажжем факелы». Из кармана своей мантии он достал тонкий восковой фитиль и зажег его на факеле. Он проскользнул в комнату и поднес фитиль к масляной лампе, стоявшей на перевернутой дубовой бочке. Тусклый свет залил крошечную комнату, освещая небольшую дощатую кровать, прислоненную к стене. На ней сидел сонный Лазарь, без капюшона, потирая глаза кулаками. Мальчик зевнул, обнажив толстые и тупые клыки.

Черты его лица напоминали черты любого мальчика его возраста, за исключением зубов и ушей — уши больше походили на уши бесшерстной собаки и эльфа, чем на уши мальчика. У него была густая, спутанная копна прямых черных волос. Густые темные брови. Он склонился над парой пронзительных индиго-голубых глаз. Как ни странно, с закрытым ртом и прикрытыми ушами, его легко можно было бы принять за любого другого мальчика. Внешность Лазаря была скорее странной, чем отвратительной, она придавала мальчику почти мистическую, дикую, но в то же время нежную и отчасти привлекательную натуру. Свободная мантия ниспадала на худые плечи мальчика, постепенно собираясь вокруг лодыжек. Грубые мешковинные носки обхватывали его ноги, подошвы были изношены и покрыты черной грязью, принесенной с пола туннеля.

Иван застыл на мгновение, широко раскрыв глаза, а затем с такой силой шагнул к деревянной кровати, что сонливый мальчик отшатнулся к стене. «Надень его обратно», — резко приказал монах. «Сейчас же!» Иван с грохотом поставил миску и обыскал комнату. «Где она? Ты должен всегда носить капюшон, мальчик! Ты меня слышишь? Всегда!» Рассеянный взгляд монаха исчез; на его месте теперь было измученное выражение, которое, как понял Лазарь, должно было быть гневом, хотя это было не так. Строгий выговор Ивана полностью разбудил мальчика, и тот послушался, потянувшись назад за капюшоном с кровати и жалуясь, надевая маску на голову: «Брат, Я не могу уснуть. Капюшон поворачивается и закрывает мне доступ воздуха.

Иван сел рядом с ним, и Лазарь повернул голову, чтобы Иван мог затянуть шнурки на задней части капюшона. «Неважно. Ты должен носить его всегда. Подними тканевый клапан над ртом, если нужно, но маску не снимай».

«Могу ли я надеть новый головной убор, монах?»

«Ещё не готово. Я ещё сшиваю». Иван водил пальцами по кожаным шнуркам, периодически затягивая их, в то время как Лазарь совмещал отверстия со своими глазами.

«Скоро будет готово», — сказал Иван, и в его голосе немного померкла тяжесть. «А теперь затяните эти шнурки потуже, и этот не перевернется. А, понятно. У тебя слишком много волос».

«Мы его проредим, когда я закончу новый капюшон». Крепко завязав шнурки, монах поднялся с постели. «Вот — снова затяните. Если вы снова его снимете, то будьте уверены, я вас за это накажу, Лазарь. А теперь, вот, ешь». Иван взял миску и поставил её в руки Лазаря .

Монах подошёл к дверному проёму и прислонился к нему. Время от времени он выглядывал из комнаты и оглядывался на Лазаря, словно охраняя мальчика. Он наблюдал , как кусочки хлеба, пропитанные козьим молоком, исчезали под колпаком. Вскоре Иван снял факел со стены. «Я приготовлю обмотку для факела. Встретимся в винном погребе, когда закончим», — сказал Иван, выходя из дверного проёма.

Лазарь позвал его: «Брат, могу я задать тебе вопрос?»

Иван ответил: «Что случилось, сынок?»

«Почему Гейтстоун кричит?»

«Крик? Почему ты так его воспринимаешь?»

«Сейчас кажется, что стало громче, как будто мы находимся в этой самой комнате».

«Я не хочу, чтобы ты думал об этом, Лазарь. Оставь это в покое. Ты не должен...»

Знайте, что оно существует. Подумайте о чём-нибудь другом — возможно, о птицах, деревьях или о больших бурных реках, о которых мы часто говорили. Подумайте даже об ангелах — достаточно чистых. Можете ли вы сделать это для нас обоих?

«Я так и сделаю, монах».

Иван уже собирался уходить, когда мальчик снова окликнул его.

«Могут ли птицы летать так же высоко, как ангелы? Даже до небес?»

«Нет, Лазарь». Монах устало произнес: «Небеса — для людей, а не для зверей земных или птиц небесных». Затем он добавил: «Больше не говори о Камне Ворот — никому. Я больше не хочу об этом слышать».

«Брат, разве я человек?»

«Ты ещё мальчик. Тебе ещё многому предстоит научиться — когда-нибудь. Довольно вопросов, Лазарь. Ешь.»

И вспомните в точности то, о чем я говорю, о Камне Ворот — вы меня понимаете?»

«Да, братец». Лазарь повернулся к своей еде, когда Иван исчез.

~*~

Над землей, в густой тени пустого собора аббатства, из узкой впадины выполз черный жук и поскакал по каменному полу к алтарю. Он пересек алтарь в свете последних лучей утренней луны и наткнулся на плиту, на которой стоял алтарь. Между полом и плитой тянулась узкая щель, и жук искал вход, достаточно просторный для его крылатой и сгорбленной спины. В тот же миг его движение прекратилось. Застыв, он перевернулся на спину. Насекомое не нашло вход. Выход — и из этой щели просачивалась бурлящая, живая тьма.

Любопытный жук упал, поглощенный смоляной тенью, которая исходила издалека; он распространялся вверх и прямо сквозь каменные плиты, словно свет — но это было полной противоположностью свету. Там, где он упал, была пустота, и даже тени луны казались яркими по сравнению с ней.

Когда эта нечестивая тьма достигла края святилища, поднялся порыв пыли, сопровождаемый непрерывным шипением, доносившимся из-под алтарного камня, словно из вулканического жерла. Едкое, сернистое вещество разъедало воздух. Бледный газ выходил из расщелины и начинал принимать форму, бурля и становясь все более плотным. Движущаяся масса устремилась вверх, извиваясь и закручиваясь между контрфорсами и кружась вокруг потолка, словно пойманная муха. Затем она нырнула, осыпая святилище щупальцами маслянистого, зловонного облака, прежде чем исчезнуть в коридоре, где располагались раздевалки для духовенства.

В углу гримерной, тяжело прижавшись к полу, облако булькало, туман рассеивался, обнажая темнеющую массу, которая росла внутри. Кости, связки, ткани и кожа слипались, завершаясь ястребиным визгом, который пронзил безмолвные коридоры собора. Это повторялось снова и снова, как и сотни раз с тех пор. Родился еще один Гротеск — еще одно потомство Эльджо, теперь явленное через присутствие французского монолита. Ребенок принадлежал к древней и звериной породе, древней еще со времен зари Ада, и появился лишь от плотского союза Человека и Ангела, достаточно злого, чтобы породить такое отклонение от творения. Гротеск был женского пола, почти человеческого облика, сравнимого по размеру и росту с девочкой шести-семи лет. У нее были крылья — из плоти и костей — похожие на крылья большой летучей мыши. С черными волосами, индиговыми глазами. Пара эльфоподобных, похожих на собачьи уши; в целом, ее странная внешность, возможно, была отражением и более молодой версией оруженосца Лазаря.

~*~

С точки зрения птицы в полете, соборное аббатство имело форму креста.

Главный зал имел вертикальную форму и был пересечен парой расходящихся крыльев. Имелось три комплекта внешних двойных дверей: главный вход, расположенный у основания креста, и другие, расположенные по краям каждого крыла. Святилище находилось в самом центре креста, на его вершине. Монолит. Исповедальни, комнаты для покаяния и бичевания располагались вдоль изголовья креста. Ризница, ризница и практические помещения находились в левой части креста, а правая часть представляла собой молельню с террасированными сиденьями.

Темные предрассветные часы тянулись без перерыва, и монотонный далекий звон начал нависать над окрестностями; массивная колокольная аббатства возвестила о наступлении еще одного дня *ora et labora* — молитвы и труда. В тусклом свете рассвета длинные вереницы монахов двигались сквозь тонкий туман к молельному крылу собора. Звон дверных защелок нарушил тихую, подобную склепу, тишину внутри церкви. Во главе святой процессии алтарник расчищал путь дымящейся каминойницей, раскачивая перфорированный металлический шар взад и вперед, как маятник. Длинные ряды террасных деревянных сидений были обращены друг к другу через широкий центральный проход. Передние ряды сидений были на одном уровне с полом, а задние ряды примыкали к стенам. Каждое место принадлежало только одному монаху, за исключением специально отведенных гостевых мест у задних стен. Колонны священников разошлись, и каждый нашел себе место.

Братья Иван и Одино подошли и, шаркая ногами, прошли по одному проходу. Всего в нескольких местах от них Иван остановился и шепнул через братьев Клодия и Гревилла: «Нашёл ещё крыс, Клодий?» Клодий ответил вызывающим взглядом. Иван усмехнулся и пошёл дальше. Одино остановился и похлопал Гревилла по макушке. «Ему удалось откопать брата Гревилла!» — угрюмый монах оттолкнул руку Одино. Одино усмехнулся и последовал за Иваном, а Гревилл прорычал ему вслед: «Твой день скоро настанет, Одино!» «Не обращайтесь на них внимания», — утешал Клодий Гревилла, высоко подняв подбородок и напрягши губы, — «даже без аббата мы увидим, как они оба будут унижены».

Он сел несколькими местами дальше. Заметив занятое место под собой, Иван широко улыбнулся. «Николас!» — воскликнул крепкий, загорелый молодой монах и улыбнулся ему. Несколько месяцев отсутствовавший в аббатстве, монах Николай оставался городским священником в соседней деревне Мурат. Николай сказал: «Блудный монах возвращается!» Иван усмехнулся и спросил: «Как поживают добрые жители Мурата?» «Им очень нужна помощь». Иван кивнул в знак согласия. Одино подошел и, заметив Николая, резко остановился. «Неужели мне мерещится?» Одино выбежал вперед, Николай поднялся, и два монаха обнялись. «Рад снова тебя видеть», — ответил Николай. Одино лукаво прошептал ему на ухо: «А как поживает вдова сапожника?»

Николас вздохнул и покачал головой, глядя в пол. «Она испытывает мою веру, брат». Они хихикнули, когда головы стоявших рядом повернулись, открыв лица, достойные выражения запора. Два монаха взяли себя в руки и сели. Колокол башни аббатства зазвонил, и собравшиеся затихли.

Молодой монах, сидевший в первом ряду, поднялся и шагнул к кафедре, расположенной по центру прохода. На кафедре лежал огромный, открытый переплет Священного Писания. Он обошел книгу, почтительно поклонился и поцеловал ее. Он откашлялся, опустил указательный палец на страницы и прочитал вслух: «Горе тем, кто называет зло добром, а зло добром». зло, которое заменило свет тьмой, а свет тьмой, которое...»

«Визг!» Священник схватился за трибуну и обернулся, напряженно пытаясь понять, откуда доносится ужасный голос, пронзивший воздух. Более сотни пар широко раскрытых глаз. Мимо него пронеслось множество людей, направившись к святилищу. Все от удивления отвисли. Почти все монахи слышали этот звук раньше, но на их лицах читалось одинаковое недоумение.

Игумен Вониг вскочил на ноги, нахмурившись. Все взгляды обратились на него. «Я ожидаю, что все, кроме младшего совета, вернутся в келью. Немедленно!» Николай и еще сотня потрясенных и разгневанных монахов, оставив утреннюю вечернюю, вскочили на ноги и бросились к двери. Игумен крикнул им вслед: «Падите ниц в своих кельях и повторяйте акты покаяния, пока я не повелю иначе!» Осталось тридцать три старших монаха, включая Ивана, Одина, Клодия и Гревия.

Когда последний священник вышел и закрыл двери собора, Вониг повернулся, чтобы оглядеть оставшиеся изумленные лица собравшихся; его собственное лицо сияло от изумления. Гнев, искаженный отвращением. Раздались новые пронзительные крики. Когда пылающий взгляд Вонига скользнул по рядам монахов, головы поникли, а любопытные глаза поспешно опустились на пол.

«Кто из вас виноват? Исповедуйтесь!» Ни один священник не исповедался.

Вониг повернулся и стремительно направился к трибуне. «Хорошо, тогда занимайте свои места!»

Они мгновенно подчинились, зная, что последует следующий порядок: с рождением каждого нового Гротеска все платили свою цену — так было всегда, и так будет и сейчас, как и много раз в будущем. Монахи Нижнего Совета, словно единое целое, поднялись, спустились с террасных рядов и собрались в центральном проходе. Каждый опустил на колени, сложив руки на поясице.

Перед Святилищем трое исследователей приготовились и распахнули дверь — ничего. Монахи осторожно вошли в его полумрак. За исключением нескольких человек в рясах...

Затянутые драпировкой статуи, постаменты и другие религиозные артефакты, комната стояла пустая. «Шипение!» Их взгляды устремились вверх, и они увидели Гротеску с расправленными крыльями и растрепанными черными волосами, оскалившую тупые, похожие на собачьи, клыки и сидящую на каменистом выступе под потолком. Она обрушила на них поток гневных слов, странных и экзотических для слуха — язык Ангелов.

Аббат, пристально глядя поверх трибуны на смиренно склонившиеся головы с бритыми макушками, повернулся. Он сосредоточил внимание на книге перед собой. Он листал страницы, его шея и уши горели от гнева, когда доносились визги и чужой язык. Один из шести следователей вернулся, сжимая рану на челюсти. Кровь просачивалась между пальцами и покрывала пол. «Оставьте нас», — ответил аббат. «Перевяжите свою рану». Монах поклонился и оставил за собой значительный след брызг, направлявшийся к дверям собора, а крики и визги свидетельствовали о продолжающейся борьбе в святилище.

Вскоре подошли двое его спутников, борясь с сопротивляющимся завернутым в обертку Гротеском. В монашеской рясе. Аббат остановил их у трибуны, и они прижали ее к полу. Приглушенно, но настойчиво, она продолжала свою бесконечную тираду ангельских осуждений.

Вониг ткнул пальцем в текст Писания и закричал над ней и своей паствой: «И сказал Господь: иди, спусти вниз, ибо народ твой развратился!» Его ярость сотрясала контрфорсы потолка. Аббат украдкой взглянул на вытянутые лица священников. На него снизошло странное спокойствие; черты его лица изменились в соответствии с совершенно иным состоянием души. Он осторожно закрыл книгу, похлопал по обложке и уставился на нее.

Он схватил книгу с кафедры, поднял её высоко и швырнул — книга рухнула на пол между монахами. Наклонившись над кафедрой, он прогремел, а протесты Гротеска прерывали его тираду: «Да не будет у тебя других богов предо мною! Не делай себе никакого изваяния и никакого подобия того, что на небесах, на земле и в водах под землей! Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Бог ревнивый, наказывающий за беззаконие отцов детей до третьего и четвертого поколения ненавидящих Меня!»

Вониг пристально смотрел на них, но как отец своих заблудших сыновей, пытаясь убедить себя, что это не злые люди. Как их аббат, он сам был виновен в их неудаче; их вина была его виной. Тем не менее, люди есть люди, святые они или нет, говорил себе аббат.

Как Адам желал чресла женщины, так и похоть есть похоть, в порочном сердце или в чистом, подобно тому как извивающаяся змея познала чресла Адама. От обезьяны до монаха плотские желания были запечатлены в замысле Творения. Этот новый гротеск подтвердил убеждение Вонига в том, что человек будет продолжать подчиняться Законам Творения, даже ценой собственных законов веры.

Аббат обошел трибуну и прошелся между ними. «Ты, — пнул он монаха, — что мне с этим делать?»

Изумлённый священник ответил: «Не знаю, аббат. Это не моё».

— Все они твои, — отчитал его Вониг. — Ты же монах-советник! — Он перешел к другому: — А ты куда мне с ним идти?

Второй ответил: «На вершине собора?»

«А почему бы и нет?» — спросил аббат.

«Он полон».

«Так и есть — места больше нет».

«Возможно, это собор Нотр-Дам?»

«О, но они больше ничего не просят».

Третий монах сказал: «Аббат, мне известно о святом месте к северу — там находится новый собор».

Можем ли мы отправить подарок ...?

Вониг резко обернулся и прервал его: «НЕТ! Больше они не покидают территорию монастырей Собора!

Мы убедили все ордена Святого Престола, что Гардиенс и Канчелло полны мастеров-каменщиков, высекающих эти... эти дары! О, если бы мы могли овладеть собой. Нет, не дарами. Грехами! Вашими — запечатанными в камне! Довольно!»

Монах оторвал взгляд от пронзительного взгляда Вонига. Вониг повернулся и стал расхаживать между ними: «Запомните вот что. Статуи — лишь вечные записи ваших грехов, записи в камне, которые дадут вам законное право попасть в Ад. И эта Женщина-Призрак Вратного Камня...»

В одно мгновение в голове Ивана хлынул поток плотских образов — извращенные мысленные картины его воображаемой встречи с Люцифаилом. И он обнаружил, что полуночная встреча оказалась вовсе не сном, как ему сначала показалось.

«Она очаровательна, не правда ли? Зрелая и готовая ко всему? И, о, как же она жаждет угодить...»

Глаза Ивана широко распахнулись при виде связанного и сопротивляющегося Гротеска, и он в полной мере осознал свою ранее неосознанную и непосредственную роль в его создании.

«И когда ты заслужишь проклятие, возможно, этот блудный дух твоей похоти встретит тебя в...»

Ад и утешение, как Она делала это когда-то. Но поскольку Ей больше не нужно будет искушать тебя Своими мерзкими и порочными чарами, чтобы ты пал, возможно, Она сможет утешить тебя в Своем истинном облике — подобном облику отвратительного Змея или Дракона. А если Женщина- Призрак на самом деле сам Дьявол? О, да, возможно, Он сможет утешить тебя способами, которые ты даже не можешь себе представить. Возможно, Он сможет осквернить твоё тело, пока ты кричишь, — и будет поступать с тобой по Своему усмотрению — вечно. О, какие изощренные способы Он мог бы использовать — множество мучений. Можешь ли ты их сосчитать — бесконечное множество способов, которые заставят даже самого сурового мужчину пролить слезы хрупкой девушки, — и все это время она будет гореть, вечно крича в огне? «Ада?» — Вониг нахмурился, оглядывая их всех. Он поднял с пола Священное Писание. Поцеловал его и направился обратно к трибуне. Он с силой опустил её, и его гнев эхом разнёсся по всему собору.

Иван был уверен, что его признание может поставить под угрозу безопасность Лазаря, и, как и подобает праведному и заботливому родителю, он послушался инстинктов и ничего не сказал. Продолжающиеся излияния аббата перешли в бессвязное бормотание, когда Иван боролся со своим новым демоном внутри: вновь открывшейся мыслью о том, что он является отцом второго ребёнка. Гротескный — второй Лазарь — дополнительный крест, который нужно нести. Он сжал челюсти и устремил взгляд на каменные плиты под собой.

Иван вздрогнул, когда аббат, вытерев пот со лба, взревел: «Среди нас есть бездельники! Я увижу, как они снова займутся делом — построят новую колокольню для аббатства!» Он поднял голову и оглядел тускло освещенные верхние части крыла собора.

Он сложил руки и спокойным голосом поделился с ними своим видением: «Она будет выше и глубже. Она будет больше у основания, чем наверху, и на ней будут террасы, достаточные для тысячи Гротесков. Во-первых, солнечный свет; башня поднимется достаточно высоко в небеса, чтобы солнце никогда не заходило над этими каменными Демонами. Если понадобится, башня пронзит облака. Во-вторых, священная земля; один из вас будет заперт внутри...» вы будете постоянно молиться в башне и звонить в колокол в знак покаяния до конца своих дней. Таким образом, башня станет еще более священной, чем наш собор. Наконец, чтобы отпугнуть зло, мы сделаем башню круглой, чтобы ваши мерзости были обращены во все стороны. Дьявол увидит ваши каменные гротески со всех холмов и долин земли и будет бояться этой земли. Теперь вы можете сказать мне, что строительство «Построить такую башню невозможно. Если это так, мой ответ вам прост: вы покажете мне, почему это невозможно, — построив её. Что вы скажете теперь?»

«Визг!» Гротеск забился в конвульсиях, пока два монаха боролись с ним. Иван сжал челюсти.

«Вставайте!» — крикнул Вониг. Монахи встали как один.

«Этот гротеск должен быть вынесен на солнце с первыми лучами солнца и таким образом превратиться в камень». Затем я распорядюсь перевезти его в Италию — в Канчелло в Умбрии — для размещения. Вместе с ним я отправлю письмо аббату Домингусу, в котором распорядюсь, чтобы любой гротеск, родившийся в его... Сюда будет направлен монастырь. С этого времени мы будем нести свои грехи и грехи наших итальянских братьев».

«В баню, — рявкнул Вониг. — Привяжите его к одной из колонн купального бассейна и поставьте под строгую охрану до завтра». Кратким взмахом руки он отпустил двух монахов, и они вынесли напряженно стонущего Гротеска из церкви. Он снова обратил внимание на монахов: «Как вы прекрасно знаете, поскольку мы нашли Гротеска сегодня утром, это плотское единение, несомненно, произошло где-то вчера вечером. Если никто из вас не был его отцом, то я ожидаю, что каждый из вас поговорит со священниками и оруженосцами, которые служат под вашим началом. Если кто-то из вас узнает, кто является отцом этого Демона, я ожидаю, что вы немедленно сообщите мне об этом. И мне не нужно напоминать вам, что эта встреча предназначена только для младших членов Совета. Разговоры о делах Совета или упоминание о Вратном камне караются смертью». Вониг ударил по трибуне: «Я верну себе свое аббатство! А теперь, уходите с глаз моих!» Все члены Совета развернулись и направились к двери. После этого аббат опустил голову и потерял висок.

Последним в очереди вышел Иван, и Вониг окликнул его: «Брат Иван!» Иван напрягся и медленно повернулся, сердце замерло в груди.

«Да, аббат?»

«Хотите в чём-нибудь признаться?» Моменты тянулись так долго, словно целые дни.

«Нет, Аббат».

«Правда?» Прошло еще несколько дней.

Вониг снова спросил: «Вы отрицаете, что в ваших катакомбах есть крыса?»

«Крыса?»

«Не убий?» — в третий раз спросил Вониг, и на его лице появилась усталая улыбка.

«Если бы только мои монахи так же ясно понимали свой долг, как ваш блаженный оруженосец из катакомб!»

«Да, аббат», — ответил Иван.

«Мне нужно снова навестить мальчика, скоро — это Лазарь, не так ли?»

«Это его имя».

«Как его самочувствие?»

«Он здоров и активен; скор и щедр в молитвах и покаянии; ни в чем не нуждается», — сказал Иван, пожав плечами.

«Как Лазарь справляется с порученными ему обязанностями? Нужна ли ему там дополнительная помощь? Возможно, еще один-два оруженосца для поддержки — в более напряженные дни? Если да, то я...»

могут обеспечить необходимые рабочие смены.

«Лучшего помощника для работы в катакомбах, чем сквайр Лазарус и брат Одно, я и представить не мог . Мы втроем более чем справимся со всеми порученными задачами, аббат».

«Жаль его положение. Бедняга», — добавил Вониг, покачав головой. Он глубоко вздохнул и на прощание предложил Ивану мудрую цитату из Священного Писания: «Истинно... так как вы сделали это одному из наименьших Моих, вы сделали это Мне».

«Да, аббат».

Они всматривались в глаза.

Вониг повернулся и осмотрел интерьер собора , устремив взгляд прямо в сторону недавно обнаруженной живой гротескной фигуры. Его брови нахмурились, и он сжал челюсти. «Можете идти».

Иван поклонился и поспешно вышел из собора, тяжело на сердце от осознания вновь обнаруженного греха.

[Конец главы 3]

Это литературное произведение было создано

и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~